

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны ¹⁾.

1 декабря. Англійскій журналъ „The graphic“ пишетъ, что „на Балтійскомъ морѣ, несмотря на несомнѣримое превосходство германскаго флота, русскія морскія силы всегда побѣдоносно заканчивали всѣ боевыя встрѣчи съ непріятелемъ“. Не только одна Россія, но и всѣ ея союзники должны быть признательны этому флоту за то, что подобная благоприятная для насъ обстановка на Балтійскомъ морѣ сдѣлалась возможной.

Германское предпріятіе на Балканахъ кончилось, какъ и повсюду, полууспѣхомъ: сербская земля завоевана, разорена и поругана. Быть можетъ та же участь постигнетъ и Черногорію. Но сербская армія осталась и существуетъ. Нѣмцамъ и болгарамъ еще придется, но уже совершенно при другихъ условіяхъ, испытать могучіе удары сербовъ.

Полууспѣхъ германцевъ на Балканахъ сказался еще въ томъ, что союзная армія крѣпко и прочно сидитъ въ Салоникахъ и центральнымъ державамъ ихъ никогда оттуда не выбить.

Надежды кайзера на запасы людей и довольствія въ Болгаріи и Турціи оказались пуфомъ. Обѣ страны разорены и бѣдны людьми. Германское распыленіе турецкой арміи на части по Фракіи, Константинополѣ, Дарданеллахъ, а также переброска турокъ на авантюры противъ Египта и Суэца, все это кѣрратно

¹⁾ См. „Русская Старина“, мартъ 1916 г.

готовить оставшимся на другихъ театрахъ турецкимъ силамъ крайне непріятныя осложненія.

Въ то самое время, когда разыгрывается такая тяжкая трагедія въ Сербіи, въ русской газетѣ „Русское Знамя“ № 245 мы находимъ слѣдующія позорныя строки:

„Подальше отъ сербовъ, подальше, будемъ мы просить Царя: недостойны они, чтобы пальцемъ о палець ударить для спасенія ихъ отъ пѣмцевъ“.

Интересныя строки набрасываетъ въ „Новомъ Времени“ г. Смоляниновъ о дѣяніяхъ убитаго любимца всѣхъ, одного изъ полковыхъ батюшекъ.—„Невысокая, увалистая гряда песчаныхъ холмовъ, прикрытыхъ снѣгомъ, занята противникомъ. Видны только передовыя окопы германцевъ. Непосредственно за холмами тянутся двѣ большія рощи, промежутокъ между ними занятъ большою деревней. Все это отавчно скрываетъ отъ насъ всѣ передвиженія германскихъ резервовъ. Тяжелыя батареи уже обстрѣливаютъ и обѣ рощи, и деревню по площадямъ. Легкая засыпаетъ шрапнелью окопы, а пѣхота дружно наступаетъ цѣлыми рядами цѣпей,двигающихся одна за другой.

Видно, какъ онѣ залегаютъ, встаютъ, какъ подъ бѣлыми облаками шрапнельныхъ разрывовъ вѣтъ-вѣтъ, да и перевернется одинъ-другой стѣлокъ, какъ около него возятся санитары, выносятъ...

Рядомъ съ одной изъ цѣпей рѣзкимъ чернымъ пятномъ выдѣляется на бѣломъ снѣгу какая-то фигура. Всмотриваюсь въ большую трубу и узнаю въ этой фигурѣ батюшку.

Не отставая отъ цѣпи ни на шагъ, онъ идетъ за ней, въ полный ростъ, не сгибаясь, въ своемъ черномъ, кожаномъ костюмѣ, не обращая вниманія ни на шрапнель, ни на пули.

Упадетъ кто-нибудь, и батюшка бѣжитъ къ нему, наклоняется надъ раненымъ, возится около него, накладывая повязку, напутствуя умирающаго. Управится съ однимъ, переходитъ къ другому, подвигаясь все дальше и дальше впередъ, влѣдъ за цѣпью.

Долго продолжалась атака, но къ вечеру германскіе окопы были взяты и бой затихъ.

Батюшку я увидалъ лишь на слѣдующее утро. Надѣвъ епитрахиль, замѣнивъ солдатскую панаху скуфьею, онъ шелъ къ братской могилѣ. Лицо его было грустно, и мнѣ показалось

осунувшимся. Я пошелъ за нимъ. На фронтѣ рѣдкій ружейный огонь. А здѣсь, у перекрестка дорогъ, вырыто четыре братскихъ могилы для стрѣлковъ, а у нихъ „въ головахъ“ одна—офицерская. Могилы еще открыты, и поблѣднѣвшія, землистыя лица убитыхъ, у нихъ сплошь закрытыя налетомъ смершейся крови, видны хорошо.

...„Во блаженномъ успеніи вѣчный покой подаждь, Господи, рабомъ Твоимъ, воинамъ, на полѣ брани за вѣру, Царя и отечество животъ свой положившимъ“...—плачущимъ голосомъ, парасиѣвъ возглашаетъ батюшка, поминая всѣхъ убитыхъ поименно, и крупныя слезы бѣгутъ по его полному лицу, складывающемуся въ невольныя, скорбныя морщины...

Одинъ изъ вліятельныхъ въ своей странѣ, норвежецъ передавалъ мнѣ, что норвежцы очень расположено относятся къ Россіи.

Симпатіи эти начали проявляться особенно сильно съ тѣхъ поръ, когда Россія первая изъ всѣхъ государствъ признала самостоятельность Норвегіи.

Когда началась настоящая война, то Швеція заявила Норвегіи, что она пойдетъ противъ Россіи. На это отъ Норвегіи былъ полученъ отвѣтъ—„Норвегія за Россію“. Это и удержало Швецію отъ рискованнаго шага.

Въ Норвегіи очень много помогали и помогаютъ тѣмъ пострадавшимъ въ Германіи русскимъ людямъ, которые проѣзжаютъ Норвегію, и во главѣ тамошняго комитета, щедро оказывающаго эту помощь, стоитъ норвежскій президентъ министръ.

На эти сердечныя слова петроградскій обыватель отвѣтилъ, что онъ увѣренъ, что на будущее время Россія встрѣтитъ въ Норвегіи не только прекраснаго друга, но и доблестнаго союзника, тѣмъ болѣе, что никакихъ симпатій къ германцамъ норвежцы не проявляютъ.

Въ юго-западномъ краѣ г.г. прибалтійцамъ предоставлены особыя льготы и привилегіи, включительно до денежныхъ ссудъ, при покупкѣ въ этомъ краѣ казенныхъ и частныхъ имѣній. Въ этомъ случаѣ прибалтійцы именуется: „лицами русскаго происхожденія протестантскаго вѣроисповѣданія“.

2-го декабря. Глава нѣмецкаго шпіонажа въ Греціи фонъ Шенкъ не разъ имѣлъ продолжительную бесѣду съ королемъ. Фонъ-Шенкъ таинственно бѣгалъ во дворець къ королевѣ, черезъ которую германцы стараются воздѣйствовать на греческаго монарха. Это имъ во многомъ удается, такъ какъ королева имѣетъ несомнѣнное вліяніе и охотно вмѣшивается въ политику, получая соотвѣтствующія инструкціи изъ Берлина ¹⁾.

Прибывшіе изъ Новогеоргіевска сестры милосердія рассказываютъ ²⁾, что наши больные и раненые, прибывшіе въ Новогеоргіевскъ изъ германскихъ госпиталей, были покрыты корой гряди, которую отмывали щетками, о переноскахъ эти страдалцы и понятія не имѣли, почти всѣ заражены гнилокровіемъ.

Сестеръ нашихъ изъ 10 и 11 новогеоргіевскихъ госпиталей принудительно заставляли ходить за пѣмцами, больными дизентеріей и холерой. Былъ случай, когда одного умершаго холерой держали въ палатѣ четыре дня.

Нижній чинъ былъ посланъ на работы и влѣдствіе истощенія не былъ въ силахъ исполнить изнурительную тяжелую задачу, за это нѣмецъ-солдатъ искололъ его штыкомъ настолько, что несчастный отдалъ Богу душу.

Съ пѣвными врачами обхожденіе не лучше: слово „швейнехундъ“ сопровождаетъ обращеніе даже къ русскимъ интеллигентамъ, недавно послѣ какого-то недоразумѣнія нашего врача съ нѣмецкимъ солдатомъ, послѣдній выстрѣлилъ въ упоръ въ животъ доктору.

Въ Альтдамѣ подвергли сестеръ карантину. Всѣ сакъ-войжи просто валямывали, не трудясь открыть ключомъ. Когда вещи дезинфицировали, сестры, совершенно обнаженныя, сидѣли, прикрывшись простынями въ досчатомъ баракѣ, черезъ щели котораго видна была улица. Теперь большинство чувствуютъ себя нездоровыми.

По сіе время Италия все еще не состоитъ въ войнѣ съ Германіей.

Всѣ банки, акціонерныя предпріятія и массы промышленныхъ предпріятій находятся въ германскихъ рукахъ.

Вотъ гдѣ зарыта собака.

¹⁾ „Веч. Вр.“ 2 декабря 1915 г.

²⁾ Тамъ же.

По словамъ газеты „Lithdums“, изъ Венденскаго уѣзда Лифл. губ. посланы въ Иркутскую область слѣдующіе нѣмцы:

Пасторъ венденскаго нѣмецкаго прихода Бергенгрюкъ, директоръ юрьевскаго нѣмецкаго банка Гурляндъ, два брата барона Кампенгаузенъ, предсѣдатель венденскаго сиротскаго суда фонъ-Вольфертсъ, секретарь лифл. нѣмецкаго с.-хоз. общества Розенфляндеръ, владѣлецъ им. Катериненъ фонъ-Раутенфельдъ и прие. пов. фонъ-Эрдорфъ Купферъ.

Кромѣ того арестованъ въ Финляндіи скрывавшійся тамъ предводитель дворянства Илукстскаго уѣзда, Курл. губ., баронъ Руммель, приказъ о высылкѣ котораго послѣдовалъ уже въ августѣ мѣсяцѣ.

3 декабря Петроградскому обывателю кажется, что теперь, когда уже совершенно точно выяснилось замариваніе германцами нашихъ плѣнныхъ недостаточнымъ питаніемъ, грозящимъ совершеннымъ полнымъ истощеніемъ ихъ организма, и ихъ гибелью, намъ надо совершенно прекратить закармливаніе на убой плѣнныхъ, находящихся въ Россіи, — до полного примѣненія пищевого режима плѣнныхъ въ Германіи для плѣнныхъ въ Россіи, самой энергичной посылкой нѣмцевъ на работы, съ сообщеніемъ объ этихъ мѣрахъ германцамъ, черезъ американское посольство. Медлить значитъ загубить всѣхъ нашихъ плѣнныхъ.

По словамъ „Вечерняго Времени“¹⁾, когда наши плѣнные солдаты были отправлены изъ концентраціонныхъ лагерей на австрійскій юго-западный фронтъ, имъ было приказано рыть траншеи и сооружать проволочныя загражденія. Отказавшіеся повиноваться подвергались пыткамъ, какъ-то: голоду въ теченіе 3—4 дней, палочнымъ ударамъ, подвѣшиванію на кистяхъ рукъ, скрученыхъ за спиной, при связанныхъ ногахъ, при чемъ пытка эта продолжалась до впаденія въ обморочное состояніе.

Такимъ пыткамъ были подвергнуты унтеръ-офицеръ Александръ Сергѣевъ, нѣхотнаго полка, Григорій Серко, Андрей Роткинъ, который застрѣлился, не выдержавъ пытки, Савелюкъ, пытавшійся покончить съ собой, фельдфебель Давидъ Мандрыкинъ, Свирскаго нѣхотнаго полка, фельдфебель Петръ Семенчукъ, 42-го нѣхотнаго Иркутскаго полка, перенесшій

¹⁾ „Веч. В.“, 3 декабря 1915 г.

пытку подвѣшиванія и голода въ теченіе четырехъ дней, припужденъ былъ присутствовать съ 150 пѣвными, нѣкоторые изъ которыхъ, а именно, старшій унтеръ-офицеръ, Василій Митавиръ, стрѣлковаго Сибирскаго полка, рядовой Чернолусскій, Сибирскаго стрѣлковаго полка, старшій унтеръ-офицеръ Яковъ Грибковъ, 82-го пѣхотнаго полка также бѣжали въ Италию, при разстрѣлѣ четырехъ ихъ товарищей, который производился самымъ варварскимъ образомъ кадетами австрійской военной школы въ Тироли.

Въ каждомъ изъ казенныхъ пѣвныхъ было выпущено по четыре пули: двѣ въ голову, двѣ въ грудь, при чемъ стрѣляли каждый разъ четыре австрійскихъ кадета. Этотъ фактъ подтверждается во всѣхъ подробностяхъ однимъ изъ этихъ кадетовъ, находящимся въ настоящее время въ плѣну въ Италиі. Всѣ кадеты, разстрѣливавшіе пѣвныхъ, были нѣмцы, за исключеніемъ нѣсколькихъ тирольцевъ.

Лица, пробѣжавшія черезъ Румынію, рассказывали мнѣ, что въ бесѣдахъ съ румынскими офицерами, послѣдніе неизмѣнно высказывали ихъ завѣтную мысль сражаться плечо къ плечу съ русской арміей противъ австро-германцевъ.

Каковы наши сестры милосердія, приводитъ г. Пилонко трогательное повѣствованіе ¹⁾ объ одной изъ нашихъ святыхъ сестеръ милосердія, изувѣченныхъ германскимъ снарядомъ во время бомбардировки Новогеоргіевска.

„Сестра Ф. въ небольшомъ нижнемъ помѣщеніи собрала раненыхъ и дѣлала самыя экстренныя перевязки. По близости разорвался снарядъ; большой осколокъ пробилъ дверь и ударилъ ее въ ногу; раненыхъ не задѣло, вѣроятно оттого, что они лежали на полу, а она стояла. Покликали мы санитаровъ; но санитаровъ нѣтъ; докторовъ тоже поблизости не было. Побѣжали туда двѣ сестры, захватили съ собой только жгутъ для остановки крови... На площади, въ буквальномъ смыслѣ слова, адъ: снаряды такъ и взрываются, одинъ за другимъ, пыль, копоть, известка; дымомъ застилаетъ; земля вся изрыта громадными ямами, тутъ же валяются убитыя лошади; деревья расщеплены, вѣтки разбросаны; около канцеляріи начинается

¹⁾ „Веч. Вр.“ 3 декабря 1915 г.

пожаръ, тушить некому, воздухъ такой, что почти дышать невозможно... Прибѣжали... Сестра Ф. лежитъ на полу, совѣтъ бѣлая; видимъ, истекаетъ кровью, кругомъ громадная лужа, и все платье буквально пропитано кровью. Одна нога перебита пониже колѣна, расщепленные кости торчатъ изъ раны; ступня виситъ, можно сказать, на одной кожицѣ. Другая нога въ нѣсколькихъ мѣстахъ поранена тѣмъ же осколкомъ, но кость, къ счастью, уцѣлѣла. Стали мы ее поднимать, очень ей, бѣдной, было больно, она только сказала тихо:

— Оставьте меня тутъ помирать...

— Зачѣмъ же вамъ, Наточка, умирать? Мы васъ сейчасъ донесемъ въ перевязочную.

Наложили ей жгутъ выше колѣна; кричимъ:

— Носилки!.. Носилки!

А носилокъ никакихъ нѣтъ. Прибѣжала ея младшая сестра... На нее видъ крови и ноги сильнѣе подѣйствовалъ, чѣмъ на раненую. Испугалась.. Кричить страшно... Прямо не знали, куда ее и дѣвать! Въ это время подошелъ одинъ молодой докторъ; взяли ее втроемъ и кое-какъ, поддерживая ногу, понесли. Только ужъ при входѣ въ нашъ лазаретъ, на крылечкѣ, нашли мы носилки и положили ее. Видимъ, что надо сейчасъ же дѣлать ампутацію, потому что нога совершенно раздроблена. А какъ дѣлать? Въ перевязочную попалъ снарядъ, окна всѣ выбиты; всѣ столы и инструменты покрыты густымъ слоемъ пыли и известки. Подумали, подумали... Докторъ говоритъ:

— Вынесемъ ее подъ лѣстницу, тамъ все-таки почище.

Составили два столы, сполоснули сулемой, обожгли инструменты спиртомъ, и тутъ же, подъ лѣстницей, въ полутемномъ помѣщеніи, стали дѣлать операцію... Отъ мѣстнаго зараженія крови все-таки уберечь не смогли; потомъ пришлось дѣлать вылуциваніе одной изъ костей... Обрѣзали ногу чуть-чуть пониже колѣна, перевязали. Снесли въ комнату, которая выходила окномъ на улицу. И надо же такое несчастье: черезъ нѣсколько минутъ подъ окномъ опять разорвался снарядъ и влетѣли мелкіе осколки; одинъ упалъ около кровати, а другой—помельче, такъ съ наперстокъ величиной,—запутался у нея въ волосахъ. Мы, когда вынимали ей изъ головы шпильки и остатки гребенки, такъ нашли и этотъ осколокъ; подарили ей на память... Тутъ были такіе ночные столики, очень прочные, дубовые, тяжелые; мы поставили три такихъ столика вдоль кровати, наложили нѣсколько матрацовъ: отъ снаряда не спасетъ, а отъ осколковъ, все-таки, можетъ быть нѣкоторая защита. Зало-

жили также окно, чтобы ей спокойнѣе было... Ничего подъ руками не было... Навалили мѣшковъ съ сахаромъ и сдѣлали ей изъ этого защиту. Такъ она и лежала. Чистая, кроткая, наивная. Только-что передъ тѣмъ исповѣдалась и пріобщалась... Начнемъ ее передвигать, боль безумная. Другіе, здоровеннѣйшіе солдаты, не выдерживаютъ, нервничаютъ, кричатъ, бранятся. А эта—ни слова упрека не проронила. Какъ станетъ ей ужъ очень больно, она тихо и кротно заплачетъ, а ничего не говоритъ. Позвали мы старшую сестру. И знаете, что она ей первое сказала? Протянула руку и стала извиняться:

— Евгенія Андреевна... Пожалуйста, простите... Я не виновата... Тамъ раненые... Я должна была перевязывать...

Мы ее успокаивали. Она опять говоритъ:

— Вотъ я рада, что исполнила свой долгъ...

А потомъ, подъ вечеръ, такъ осторожно, испытующе спрашиваетъ:

— А что у меня съ ногой?

— Да нога у васъ сильно раздроблена.

Ей, вѣдь, знаете, только бы приподнять одѣяло, она увидела бы, что ноги нѣтъ. Но боится посмотреть. Опять издалека заходить.

— Что же, пожалуй, отрѣжутъ ногу?

— Вѣрно, Наточка, отрѣжутъ... Кость очель сильно раздроблена.

Она подумала, поколебалась, а потомъ тихо прибавляетъ (все еще боялась спросить):

— Кость можетъ быть раздроблена, а вотъ нервы цѣлы...

— Мы это хорошо знаемъ, съ солдатами ампутированными, вотъ которые отмороженные бывають. Имъ еще долго потомъ кажется, что и пальцами двигаетъ, и пятка болитъ, когда нога ужъ давно отрѣзана. Мы тогда промолчали. А она опять настаиваетъ (трудно вѣдь въ 25 лѣтъ пріучать себя къ страшной мысли):

— Туго у меня пальцы стянуты; можетъ быть, распустить можно?..

Проверить хотѣла: станемъ ли мы поправлять повязку на пальцахъ...

Трудно было намъ выдерживать; вѣроятно, она повяла; замолчала, заплакала.

Потомъ на слѣдующій день приходитъ другая сестра и начинаетъ вести разговоръ о штурмѣ.

Ротная сестра посмотрѣла, посмотрѣла—намъ тихо говоритъ:

- Моей попки уже пѣтъ.
- Что жъ. Богу значить угодно.
- Ко всему надо привыкать.

Прошло почти полтора года (декабрь 1915 г.) со времени начала войны, и германскій флотъ адмирала Тирпица позорно укрывается въ своихъ военныхъ гаваняхъ, не вступаетъ въ морской бой съ англійскимъ флотомъ, и терпитъ постоянныя неудачи при встрѣчѣ съ нашимъ, слабѣйшимъ, балтійскимъ флотомъ.

Дѣянія германскаго флота въ началѣ войны заключались въ пиратскихъ дѣйствіяхъ ихъ крейсеровъ до ихъ уничтоженія, и позорныхъ дѣяній ихъ подводныхъ лодокъ, изумляющихъ своимъ звѣрствомъ весь цивилизованный міръ.

Одинъ изъ нашихъ раненыхъ, вернувшихся изъ германскаго плѣна, повѣствуетъ ¹⁾ о нѣмецкихъ звѣрствахъ нижеслѣдующее.

1) Послѣ отвратительной перевязки на полѣ сраженія ее не мѣняли въ теченіе *двѣнадцати дней*, и въ равахъ *завелись черви*.

2) Ни одинъ изъ общественныхъ лазаретовъ не желалъ принимать русскихъ, а въ гор. Ангесбургѣ, пока они, раненые, лежали на носилкахъ на мостовой, собравшаяся толпа нѣмецкихъ женщинъ и дѣтей забавлялась тѣмъ, что ругала ихъ, *плевала въ лицо, дѣти дергали за бороду и усы* и бросали грязью.

3) Изъ тринадцати госпиталей, гдѣ ему пришлось лежать, только въ данцигскомъ были сносны условія, да и то потому, что главнымъ врачомъ былъ профессоръ-полякъ.

4) Только благодаря плѣнному французу-врачу удалось сохранить ему руку, т.-е. не ампутировать. Рука искалѣчена и не дѣйствуетъ совершенно.

5) Плѣнныхъ не раненыхъ и легко раненыхъ, первые мѣсяцы, приблизительно до декабря, держали *подъ открытымъ небомъ* и въ такихъ условіяхъ, что въ одномъ изъ такихъ лагерей за мѣсяць изъ 30.000 плѣнныхъ умерло отъ холеры и тифа шесть тысячъ человекъ.

6) Въ госпиталяхъ такой режимъ, что невольно приходишь къ мысли, что заведенъ онъ исключительно для издѣвательства надъ плѣнными.

¹⁾ „Веч. Вр.“, 3 декабря 1915 г.

Въ офицерскихъ баракахъ безконтрольная власть принадлежитъ нѣмецкому унтеръ-офицеру, который прибѣгаетъ иногда даже къ физическому воздействию.

7) Кормятъ отвратительно.

8) Но ужаснѣе всего разыгрывались сцены при кормленіи. Иногда послѣ раздачи супа оставалось его немного. Завѣдующій раздачей любезно спрашивалъ, не желаетъ ли кто прибавки. Но какъ только проголодавшаяся толпа бросалась къ чану, онъ приказывалъ солдатамъ *прикладами и резинами* разгонять толпу, *звалъ собакъ и имъ выливалъ этотъ супъ*. То же происходило, когда плѣнные приходили за картофельной шелухой.

Въ настоящее время германцы и австрійцы ведутъ среди плѣнныхъ усиленную, печатную, революціонную пропаганду. Замѣтно сконцентрированіе разныхъ народностей, особенно малороссовъ, гдѣ идетъ во всю украинофильская дѣятельность. Замѣтно также соединеніе бѣлоруссовъ и пакостныя инсинуаціи среди нихъ. Для нашихъ плѣнныхъ даже издается особая подлая газета.

У насъ въ Петроградѣ каждая отрасль промышленности, говорятъ, находится въ рукахъ 3—5 лицъ, которые сговариваются придержать доставку того или другого продукта и скрываютъ по складамъ уже имѣющійся запасъ. Какъ было бы прекрасно, если бы предержащіе, пользуясь военнымъ положеніемъ, вздернули бы кверху одного изъ сихъ продуктовыхъ королей, или направили бы одного изъ сихъ дѣятелей на каторгу.

Сразу бы все намѣнилось.

Говорить, что на пакгаузахъ товарныхъ станцій Николаевской дороги масса неразгруженныхъ вагоновъ съ мясомъ, масломъ, сахаромъ, дровами и углемъ.

4—6 декабря. Вотъ какъ хозяйничали, по разсказамъ одной изъ сестеръ милосердія, нѣмцы при взятіи Новогоргиѣвска ¹⁾.

¹⁾ „Веч. Вр.“ 4 декабря 1915

„Всѣ склады разбили; стали вывозить. Вы себѣ представить не можете: пустыя банки изъ-подъ консервовъ, если жестяныя, нагружали въ вагоны и увозили! Приговаривали:

— Какіе вы, русскіе, богатые! Какъ у васъ всего много! Откуда это у васъ берется?

Отдѣльные солдаты, конечно, грабили на себя. Разъ сестра вышла на улицу въ кожанной курткѣ и большихъ сапогахъ... Сапоги тоже надѣла для того, чтобы въ ея отсутствіе нѣмцы не украли; все равно, спрятать нельзя; закроешь—взломають и унесутъ. Вдругъ на нее два солдата нѣмецкихъ:

— Отдавайте куртку и сапоги.

Она возмущалась:

— Куда вамъ эти сапоги? Они на васъ не влѣзутъ.

— Если не влѣзутъ, мы вамъ вернемъ... Вы только дайте примѣрить...

— Да вотъ у насъ вчера приходилъ нѣмецкій солдатъ, просилъ дать электрической фонарикъ, чтобы дойти до вала... Обѣщалъ принести назадъ; развѣ онъ принесъ? Вы не вернете...

Еле-еле отъ нихъ спаслась. Нѣмцы ужасно жадные; все, что имъ увидятъ, хватаютъ. Стоитъ часовой у склада. Въместо того, чтобы караулить, ломаетъ ящики; возьметъ ружье подъ мышку и вытаскиваетъ разные вещи, оставленныя офицерскими семьями: дамскіе капоты разсматриваютъ, туфли, башмаки, картины. Мы видѣли, какъ разъ офицеръ шелъ по улицѣ и увидалъ, что лежитъ на мостовой небольшой кусочекъ кожи; ну, совсѣмъ маленькой, никчемушный кусочекъ кожи; такъ, итѣ, поднялъ, посмотрѣлъ, спряталъ въ карманъ. Ёдетъ какой-нибудь нѣмецкій солдатъ на велосипедѣ; держать одной рукой эмалированный тазъ, а сверху гитара. И все куда-то везутъ, тащатъ. Когда осматривали наши вещи при отъѣздѣ, такъ брали все, что хотѣли:—чехоль съ чемодана, чемоданъ вернули, а чехоль украли; палочку шоколада чиновникъ долго разсматривалъ, и такъ, и эдакъ; видимо, хотѣлъ украсть, да постыдился. Фотографическій аппаратъ отдали, когда увидали, что онъ совсѣмъ плохой, детский, игрушечный.

Германцы очень озабочены формированіемъ стратегическаго резерва на случай перехода союзниковъ въ наступленіе. Для этой цѣли они перечисляютъ четвертые полки дивизіи въ новыя дивизіи и формируютъ изъ нихъ болѣе подвижныя единицы, чѣмъ корпусъ. Значительную часть своихъ людей съ тыла они

снимаютъ и замѣняютъ здоровыми женщинами занятыхъ мѣстностей Волыни и Польши для работъ хлѣбопекаренъ, прачешныхъ, портняжныхъ и другихъ мастерскихъ, гдѣ можетъ быть примѣненъ женскій трудъ.

Пора прекратить колоссальныя наживы приволжскихъ мукомоловъ отъ крупчатки. Мелкіе изъ владѣльцевъ этихъ мельницъ пѣмцы или ихъ присыны. Красная цѣна пятипудовику мѣшку крупчатки 13—15 рублей, а эти господа продаютъ по 18—20 р. за мѣшокъ. Необходимо установить предѣльныя цѣны. Учетъ выработки муки совершенно простъ и провѣрить его можетъ каждый чиновникъ министерства финансовъ. Пора и пора приняться за это дѣло довольствія первой необходимости.

Недавно было въ Петроградѣ совѣщаніе пріѣхавшихъ по торговымъ дѣламъ иностранцевъ. Присутствовали лица, говорящія на англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Предѣдательствующій въ собраніи англичанинъ, открывая засѣданіе, обратился по направленію къ членамъ собранія, говорящимъ по-нѣмецки и сказалъ: „На мертвомъ языкѣ говорить не будемъ“.

7 декабря. Въ Лунинецкое отдѣленіе ¹⁾ Татьянанскаго комитета поступили официально запроколированныя показанія бѣжавшихъ изъ германскаго плѣна четырехъ свидѣтелей-крестьянъ о звѣрствахъ нѣмцевъ и мадьяръ въ занятыхъ мѣстностяхъ Пинскаго уѣзда.

„Въ селѣ Желѣзницѣ мадьяры, размѣстясь по крестьянскимъ избамъ, изнасиловали многихъ замужнихъ женщинъ и дѣвицъ, въ томъ числѣ трехъ дѣвочекъ 10, 14 и 15 лѣтъ, которыя вскорѣ послѣ насилія скончались. Мать 14-лѣтней дѣвочки, пытавшаяся спасти дочь отъ позора, была ранена штыкомъ въ лицо и выброшена изъ избы. Крестьянинъ, протестовавшій противъ звѣрства солдатъ, подвергся аресту и истязаніямъ и умеръ по дорогѣ къ этапному пункту.

Въ селѣ Ставкахъ нѣмцы собрали всѣхъ мужчинъ и за-

¹⁾ „Веч. Вр.“, 7 декабря 1915 г.

перли въ сараѣ, предварительно снявъ сапоги и теплую одежду. На слѣдующій день всѣхъ жителей куда-то угнали, отобрали у населенія все имущество, скотъ, лошадей. Крестьянинъ Джиковицкій просилъ разрѣшить ему на собственныхъ лошадяхъ и повозкѣ перевезти въ указанное мѣсто дѣтей-малютокъ, но германцы грубо отказали ему въ этомъ, избивъ его палками и прикладами и застрѣлили, бросивъ въ колодезь, гдѣ трупъ пролежалъ восемь дней, пока случайными людьми не былъ похороненъ.

Въ селѣ Муровинѣ нѣмцы согнали всѣхъ мужчинъ въ церковь, сняли съ нихъ сапоги и полушубки, а утромъ погнали рыть окопы. Крестьянинъ Демчукъ отказался работать, заявивъ: „Что хотите дѣлайте, а противъ своихъ русскихъ рыть окопы не буду“. Демчукъ былъ на мѣстѣ убитъ выстрѣломъ изъ винтовки, заряженной, повидимому, разрывной пулей. При этомъ нѣмцы крайне неохотно разрѣшили похоронить тѣло Демчука на кладбищѣ, требуя, чтобы оно было зарыто въ землю на мѣстѣ разстрѣла“.

Не взирая на то, что ходъ событій при массовой перевозкѣ войскъ и запасовъ въ Ламаншѣ, Средиземномъ морѣ, у Дарданеллъ и Салоникъ наглядно доказалъ ничтожные результаты дѣятельности германскихъ подводныхъ лодокъ, германцы готовятся усиленнымъ образомъ къ подводной войнѣ. Говорятъ, что они лихорадочно строятъ новыя, большія подводныя лодки съ большимъ ходомъ, вооруженныя орудіями, могущія сражаться съ истребителями минопосцевъ.

8 декабря. Daily Telegraph сообщилъ, что германцы готовятся къ новому грандіозному наступленію на западъ. Желѣзнодорожное сообщеніе между Голландіей и Германіей было снова прервано на нѣсколько дней. Послѣ предшествовавшаго подобнаго же перерыва, длившагося 9 дней, не остается уже никакого сомнѣнія въ томъ, что въ это время желѣзнодорожныя линіи, ведущія въ Бельгію и во Францію, были заняты перевозкой людей, орудій и боевыхъ припасовъ. Германцами доставлено также въ Бельгію огромное количество дерева и другихъ матеріаловъ для сооруженія новыхъ траншей или укрѣпленія старыхъ.

9 декабря. Въ „Русскомъ Инвалидѣ“ за это число напеча-
тано:

**Именной Высочайшій указъ
Правительствующему Сенату.**

Нашего генераль-адъютанта, члена Государственнаго и Военнаго совѣтовъ, главнокомандующаго арміями сѣвернаго фронта, генерала-отъ-инфантеріи Русскаго Всемилостивѣйше увольняемъ отъ должности главнокомандующаго арміями сѣвернаго фронта, съ оставленіемъ членомъ Государственнаго и Военнаго совѣтовъ и генераль-адъютантомъ.

На подлинномъ Собственной Его Императорскаго Величества рукой написано:

„НИКОЛАЙ“.

Царское Село, 6-го декабря 1915 г.

Высочайшій рескриптъ,

данный на имя генераль-адъютанта Русскаго.

Николай Владимировичъ.

Съ самаго начала возникновенія настоящей великой войны вы, будучи призваны на высокія и отвѣтственныя должности командующаго третьей арміей, а затѣмъ главнокомандующаго арміями сѣверо-западнаго фронта, неизмѣнно проявляли отличныя качества опытнаго и искуснаго военачальника, мужественно и доблестно отражая яростныя стремленія врага нашего посягнуть на предѣлы дорогого намъ отечества.

Неустанные труды ваши и тягости походно-боевой жизни, къ сожалѣнію, настолько разстроили здоровье ваше, что дальнѣйшее пребываніе въ обстановкѣ военнаго времени могло угрожать самой жизни вашей, а потому въ мартѣ сего года Я призналъ необходимымъ освободить васъ отъ возложенныхъ на васъ тяжелыхъ обязанностей и назначить членомъ Государственнаго и Военнаго совѣтовъ.

Благодаря лѣченію и необходимому отдыху, силы ваши въ скоромъ времени окрѣпли настолько, что вы вновь могли быть призваны къ столь свойственной природѣ нашей ратной работѣ, въ виду чего Мною были возложены на васъ обязанности сначала командующаго шестой арміей, а затѣмъ главнокомандующаго арміями сѣвернаго фронта.

Твердой и энергичной рукой взяли вы дѣло осуществленія порученной вамъ важной боевой задачи, въ основѣ которой лежитъ защита неприкосновенности столицы нашей—Петрограда.

Однако, эти новые труды и великія заботы не прошли для васъ безслѣдно.

Здоровье ваше, не вполне еще возстановленное, снова пошатнулось и не позволяетъ вамъ оставаться долѣе во главѣ вѣривныхъ вамъ доблестныхъ армій.

Съ увѣренностью въ близости того времени, когда вамъ вновь будетъ возможно принять участіе въ руководствѣ боевыми дѣйствіями, искренно благодарю васъ за тѣ блестящіе результаты, которыми сопровождалось ваше выдающееся участіе въ общихъ нашихъ усиліяхъ на защиту родины.

Пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

глубоко уважающій васъ и благодарный

НИКОЛАЙ.

Въ Царскомъ Селѣ, 6-го декабря 1915 г.

Непоколебимая увѣренность нашего Монарха и всей Россіи къ боевымъ талантамъ ген. - ад. Рузскаго усиливаетъ надежды всѣхъ на скорое возстановленіе здоровья доблестнаго генерала для руководства боевыми дѣйствіями.

Вотъ, что пишетъ по этому поводу „Новое Время“:

Тревожные слухи, ходившіе уже нѣкоторое время въ арміи и вообще о состояніи здоровья генераль-адъютанта Н. В. Рузскаго, къ глубокому огорченію всѣхъ русскихъ людей, нашли себѣ подтвержденіе въ сегодняшнемъ Высочайшемъ рескриптѣ на имя бывшаго главнокомандующаго арміями сѣвернаго фронта.

Разстроенное здоровье Н. В. Рузскаго вторично лишаетъ армію одного изъ самыхъ талантливыхъ и популярныхъ ея вождей. Присутствіе генераль-адъютанта Рузскаго во главѣ войскъ сѣвернаго фронта воодушевляло и ободряло нашихъ воиновъ и служило обществу лучшимъ ручательствомъ того, что торжествующій врагъ дошелъ до крайней грани вторженія

въ предѣлы нашей родины и дальше на этомъ фронтѣ не будетъ въ силахъ продвинуться ни на одинъ шагъ.

Генераль-адъютантъ Н. В. Рузскій вступилъ въ командованіе войсками сѣвернаго фронта въ то тяжелое для насъ время, когда волна нѣмецкаго нашествія докатилась до Риги и Двинска, готовилась смести и эти препятствія, стоящія на пути, казалось, неудержимаго вражескаго натиска. Стоило лишь любимому вождю прибыть къ войскамъ, и нѣмцы тотчасъ же узнали былую мощь русской арміи и стихійную силу русскаго штыка. Напрасно Вильгельмъ требовалъ отъ Гинденбурга взятія Риги и Двинска, напрасно нѣмецкій фельдмаршалъ посылалъ все новые и новые резервы, — атаки нѣмцевъ неизбежно отбивались съ огромнымъ для нихъ урономъ какъ подъ Ригой, такъ и подъ Двинскомъ. Неудивительно поэтому, что въ войскахъ съ благоговѣніемъ повторяютъ имя Рузскаго.

Непреклонная воля генераль-адъютанта Рузскаго сковала непробиваемую ему войска въ несокрушимую преграду, разрушить которую были не въ силахъ все ухищренія нѣмецкой техники.

Освобожденіе Н. В. Рузскаго отъ главнокомандованія арміями сѣвернаго фронта больно отзовется въ сердцахъ любящихъ его солдатъ и русскаго общества. Единственнымъ утѣшеніемъ остается у насъ надежда на скорое возвращеніе въ ряды арміи генерала Рузскаго и вѣра, что имя доблестнаго вождя будетъ и впредь воодушевлять войска на новые подвиги.

Въ бесѣдѣ съ корреспондентомъ „Morgenpost“ ¹⁾ Гинденбургъ говорилъ:

Постъ главнокомандующаго — слишкомъ отвѣтственный постъ. Горячіе люди, руководствующіеся темпераментомъ, для замѣщенія подобныхъ постовъ не пригодны. Это уже показало опыты войны.

„Новое Время“ ²⁾ передаетъ про одного изъ современныхъ начальниковъ станцій:

Взятки съ грузоотправителей брались имъ отъ 50 до 100 руб. съ вагона; кромѣ того, бралъ онъ натурою: мукой, пшеномъ и

¹⁾ „Русск. Сл.“ 8 декабря 1915 г.

²⁾ „Нов. Вр.“ 10 декабря 1915 г.

всѣми остальными съѣстными продуктами. Но больше всего любилъ брать деньгами.

Оказывается, что у насъ есть даже архіерей нѣмецъ; это епископъ эриванскій Леоптій—бывшій баронъ фонъ Вимпфенъ.

11 декабря. Рассказываютъ, что между Глиденбургомъ и Макензенемъ идутъ большіе пелады, а Вильгельмъ уже пишетъ въ приказѣ—известъ и цементъ дешевле крови германскаго солдата.

Г. Пиленко описываетъ въ „Новомъ Времени“ ¹⁾ боевую развѣдку одного изъ нашихъ летчиковъ:

На рѣкѣ Б. переправы были разрушены: деревянные мосты горѣли, а желѣзные безобразно вырисовывались своими взорванными фермами, беспомощно упирающимися въ воду. Нѣмцы уже наводили pontонные мосты; тутъ же стояли ихъ войска въ ожиданіи переправъ. Около города М. замѣтилъ я хорошо знакомыя очертанія аэропланныхъ палатокъ. Аэродромъ... На стартѣ стоитъ альбатросъ; черные кресты на свѣтло-сѣрыхъ крыльяхъ. Вдругъ онъ двинулся и плавно влетѣлъ. Немного дальше было еще два аэродрома. Впереди насъ другой альбатросъ набиралъ высоты. „Это за нами“, крикнулъ мнѣ М. Мы продолжали развѣдку. Но вдругъ я услышалъ какой-то странный звукъ, точно стукъ пули при попаданіи въ деревянный предметъ. Посмотрѣлъ кругомъ, никого не видно. Неужели пули съ земли достаютъ? Анерондъ показывалъ 2.100; значитъ, невѣроятно. Опять тѣ же звуки: тикъ-тикъ-тикъ. Куда-то попадаютъ... Сталъ я еще осматриваться: вдругъ вижу, сзади, за хвостомъ, подъ рулями идетъ альбатросъ. Онъ былъ нѣсколько ниже насъ; дѣлалъ быстрые повороты, ныряя на виражахъ носомъ внизъ; своими красивыми движеніями и почти бѣлой окраской напоминалъ рыбку, которая, играя, выпрыгиваетъ изъ воды. Стрѣлять назадъ было невозможно, а звуки попаданія учащались... Появился еще альбатросъ. Оба они шли сзади насъ; но на ихъ аппаратахъ нельзя стрѣлять впередъ: вѣять мѣшаетъ; поэтому они, пользуясь своей значительно большей скоростью, подходили къ намъ поближе, дѣлали по очереди

¹⁾ „Нов. Вр.“, 11 декабря 1915 г.

поворотъ и при боковомъ положеніи безнаказанно насъ обстрѣливали. Отвратительное чувство... Сидишь и ждешь, что вса-дять пулю или въ моторъ или въ спину. Видимо, и М. почувствовалъ то же самое. „Готовьте пулеметь“,—сказалъ онъ мнѣ рѣзко, и, внимательно оглянувшись, сталъ быстро поворачи-вать назадъ.

— Интересно...

— Сильно забилося мое сердце... Вотъ оно, настоящее... Наковецъ-то!.. Лишь бы пулеметь не отказалъ!.. Помню: я бро-силъ свою карту на полъ гондолы и наступилъ на нее ногой, чтобы она какъ-нибудь не попала въ пропеллеръ. Хотѣлъ бы-стро встать, но меня что-то сильно дернуло за поясъ: забылъ развязаться... Отстегнулъ пряжку ремня, осмотрѣлъ пулеметь, взвелъ курокъ. Вижу, что мы идемъ уже прямо навстрѣчу аль-батросу, который, не ожидая нашего маневра, оказался въ не-выгодномъ для него положеніи. Онъ шелъ прямо подъ насъ, вѣроятно, желая обстрѣлять насъ на самомъ близкомъ разстоя-ніи снизу. Моментъ захватывающій... М., круто снижаясь—точно съ намѣреніемъ таранить,—еще больше насъ сблизилъ. Я выпустилъ патроновъ сорокъ...

— Ну что же, попали?

— Увѣренъ!.. Я вообще стрѣляю недурно. А здѣсь просто невозможно было промахнуться; послѣдніе выстрѣлы я дѣлалъ почти въ упоръ. Видны были всѣ детали альбатроса и даже лица яѣмцевъ-летчиковъ. Но былъ ли онъ сбитъ,—сознаюсь, сказать не могу. Все это, вѣдь, происходило страшно быстро. Помню лишь, что аппаратъ скрылся подъ нашимъ крыломъ, и больше мы его не видѣли. Да и не до того намъ было. Едва я успѣлъ переменить обойму у пулемета, какъ М. снова круто повернулъ, и передъ нами оказались еще два непріятельскихъ аэроплана. Они были довольно далеко; казалось, что идутъ одинъ за другимъ по охватывающей насъ дугѣ. Стрѣляли съ праваго борта. М. держалъ прямо на нихъ. Скорости у насъ было меньше, но, идя по радіусу ихъ пути, мы естественно сблизжались. Метровъ съ восьмисотъ я открылъ огонь. Тахъ-тахъ-тахъ!.. Я берегъ патроны; выпускалъ по три и по пять выстрѣловъ въ приѣмъ, мѣняя прицѣлъ и опереженіе на ходъ альбатроса. Въ воздухѣ, вѣдь, очень трудно правильно оцѣнить дистанцію и скорость аппарата. Наводилъ все время на перед-пяго, типа шейдеръ. Вдругъ—ура!—онъ пошелъ круто внизъ... еще круче... совсѣмъ вертикально! Это произошло такъ вне-запно, и видъ стремительно идущаго аппарата былъ такъ не-

естественно, что я невольно оторопѣлъ... прервалъ стрѣльбу и смотрѣлъ на него; третьяго удустилъ изъ виду, который сейчасъ же быстро повернулъ и скрылся. А шнейдеръ все падалъ. Лишь у самой земли я потерялъ его глазами. „Осмотрите моторъ и аппаратъ“, — сказалъ мнѣ М., отрываясь отъ борта гондолы, черезъ который онъ все время наблюдалъ за падающимъ врагомъ. Я оставилъ пулеметъ. Моторъ работалъ хорошо. Поврежденій нигдѣ не было видно.

— Странное ощущеніе!..

— И представьте себѣ: въ этотъ день намъ особенно повезло. Около города Б. летчикъ мнѣ показываетъ впередъ. Смотрю въ бинокль: еще альбатросъ идетъ прямо навстрѣчу, вѣроятно, возвращается съ развѣдки. Взялъ опять пулеметъ... Быстро сближаемся: ощущеніе какъ на охотѣ; все время одна мысль: лишь бы онъ попозже насъ замѣтилъ. Вдругъ—онъ вправо; мы ему наперерѣзъ. Приложился я; кажется, что можно стрѣлять... Тахъ-тахъ-тахъ!.. Нѣмецъ круто повернулъ и со сниженіемъ спрятался въ мутно-грязной дымовой тучѣ пожара... Послѣ этого мы летѣли спокойно, дурачились, ѣли шоколадъ и шутили. М. снялъ ноги съ педалей, и я управлялъ аппаратомъ по его указаніямъ.

— Какія же были у васъ поврежденія?

— Представьте себѣ, ни одной пробивны.

12—20 декабря. Корреспондентъ „Русскаго Слова“¹⁾ приводитъ рѣчь кайзера германскимъ войскамъ въ Вильнѣ. Между прочимъ Вильгельмъ сказалъ:

„Путь нашъ тернистъ. Русскій народъ могучъ и далеко еще не разбитъ. Но все же конечная побѣда будетъ наша, ибо мы, нѣмцы, создали величайшую культуру міра, и эта культура есть высшая сила, противъ которой ничто не устоитъ. Дѣти, не падайте духомъ!“

Сегодня²⁾ въ Петроградскій палатѣ слушалось дѣло, по которому помѣщикъ Лифляндской губ. Бергманъ былъ приговоренъ къ штрафу въ размѣрѣ 1.050 руб. за утайку 6 лошадей. Палата утвердила приговоръ суда.

¹⁾ „Русское Слово“, 15 декабря 1915 г.

²⁾ „Нов. Вр.“, 15 декабря 1915 г.

Въ Туккумѣ выходитъ „Газета Туккумскаго Округа“, въ которой прославляются почти ежедневно тѣ бароны-помѣщики, которые сражаются въ рядахъ германской арміи. Между прочимъ въ послѣднемъ номерѣ упомянуть нѣкій Пантониусъ, у котораго пали два сына, одинъ въ Польшѣ, другой на рижскомъ фронтѣ. „Ихъ имена останутся на вѣчныя времена въ памяти благодарнаго нѣмецкаго потомства, записанныя огненными буквами въ скрижали исторіи“¹⁾.

Въ Швеціи производятся опыты по отапливанію паровозовъ торфомъ, и пришли къ заключенію, что этого рода топливо можетъ вполне замѣнить каменный уголь, какъ съ технической, такъ и съ экономической точки зрѣнія, и что тяжелые поѣзда, съ примѣненіемъ этого топлива, могутъ достигнуть такой же скорости, какъ и при каменномъ углѣ.

Извѣстный радѣтель интересовъ Австріи и Фердинанда Болгарскаго генералъ іезуитовъ Ледоховскій прѣвѣжалъ въ Ченстоховъ; при пріемѣ депутацій онъ упрекалъ нѣкоторыя организаціи въ томъ, что онѣ слишкомъ много занимаются политикой, о чемъ лучше всего свидѣтельствуютъ репрессіи пруссаковъ. Депутаціи вывели отъ этого пріема весьма непріятное впечатлѣніе.

Въ приказѣ по N армейскому корпусу напечатано:

„Въ бою 2-го іюля с. г. у дер. В. былъ смертельно раненъ прапорщикъ 164 пѣхотнаго Закатальскаго полка П. Е. Кудряшовъ.

Умирая, прапорщикъ Кудряшовъ, въ присутствіи нѣсколькихъ свидѣтелей, сказалъ полковому священнику:

— Батя! Скажи 12-й ротѣ, что умирать вовсе не страшно: чтобы боролись во славу дорогой намъ Россіи. Я не рисуюсь и умираю совершенно спокойно.

Да послужатъ эти слова офицера, умершаго смертью храбрыхъ, назиданіемъ всѣмъ прочимъ чинамъ корпуса!

Пусть этотъ примѣръ доблести, святого исполненія воиномъ своего долга передъ Царемъ и родиной неизгладимо запечатлѣется въ памяти и станетъ обычнымъ среди чиновъ N корпуса“²⁾.

¹⁾ „Нов. Вр.“ 15 декабря 1915 г.

²⁾ „Рус. Сл.“ 19 декабря 1915 г.

Лицо, раздававшее въ окопахъ подарки нашимъ воинамъ, передавало намъ, какое великое общеніе боевыхъ витязей съ родиной имѣютъ эти подарки.

— Получаемъ подарки, значить, насъ помятъ, говорятъ солдаты.

— Нѣтъ ничего— „значить, о насъ забыли“.

Корреспондентъ „Новаго Времени“¹⁾ Пенчковскій приводитъ письмо отъ бѣжавшаго изъ плѣна ефрейтора пулеметной команды О—го полка Демкина.

Въ этомъ письмѣ, между прочимъ, приведены такія ужасныя строки:

Всѣ плѣнные ходятъ, какъ мертвыя тѣни. Очень ужасно, какъ вспомню прежніе девять мѣсяцевъ, что провелъ въ Австріи. Заставляютъ рыть окопы. На плѣнныхъ пашутъ землю, возятъ бревна, песокъ; наши плѣнные отвѣчаютъ за лошадей. Въ плугъ запрягаютъ шесть солдатъ нашихъ и пашутъ землю.

Говорятъ, что для борьбы съ воинствующимъ патискомъ экономическаго германизма въ Парижѣ открыли школу отельнаго искусства и въ главѣ этой школы сталъ предсѣдатель парижскаго муниципальнаго совѣта Адриенъ Митуаръ и профессоръ Ландузи, деканъ медицинскаго факультета въ Парижѣ.

Пора бы и русскимъ послѣдовать этому прекрасному начинанію.

Въ Красноярскѣ²⁾ состоялось совѣщаніе по вопросу о недостаткѣ въ городѣ нѣкоторыхъ хлѣбныхъ припасовъ и, главнымъ образомъ, сахара.

Предсѣдательствовалъ на совѣщаніи губернаторъ Я. Г. Гололобовъ, участвовали представители вѣдомствъ, кооперативовъ и общественныхъ организацій.

Совѣщаніе пришло къ заключенію, что недостатокъ этихъ продуктовъ вызванъ тѣмъ, что военноплѣнные,—главнымъ образомъ, германскіе и австрійскіе офицеры,—безконтрольно скупаютъ продукты проловольствія большими партіями, не считаясь ни съ таксами, ни съ рыночными цѣнами.

¹⁾ „Нов. Вр.“ 20 декабря 1915 г.

²⁾ „Русское Слово“ 20 декабря 1915 г.

Присутствовавшій въ совѣщаніи епископъ Никонъ отмѣтилъ, что плѣнные офицеры въ Красноярскѣ получаютъ изъ разныхъ источниковъ до 300.000 руб. въ мѣсяцъ и тратятъ изъ нихъ на разнаго рода покупки до 200.000 рублей.

— Возможно—высказалъ далѣе епископъ,—что плѣнные намеренно скупаютъ большое количество предметовъ потребленія, чтобы вызвать дороговизну ихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, и ропотъ среди народа и недовольство властями.

По предложенію городского головы, совѣщаніе постановило просить военное начальство объ урегулированіи массовой скупки продуктовъ плѣнными.

На квази лояльныхъ финляндцевъ сыплется дождь золота. Финляндія получаетъ массу заказовъ отъ поставокъ и милліоны отъ заграничныхъ комиссіонныхъ товаровъ, куда идутъ комиссіонные товары, намъ не извѣстно. Сколько зарабатываютъ финляндцы на одной только бумагѣ. Сколько финляндскихъ рабочихъ и мастеровыхъ гребутъ денежки и въ Россіи.

Чѣмъ же они отплачиваютъ за дождь золота.

Паденіемъ курса нашего рубля. Нѣкоторыя финляндскія газеты одобряютъ вторженіе германцевъ въ Бельгію, германскія звѣрства, потопленіе „Лузитанія“, называютъ нѣмцевъ спасителями человечества.

Конечно, если бы мы примѣняли надлежащимъ образомъ тѣ законныя основанія, которыя проводили наши извѣстные изслѣдователи финляндскаго вопроса относительно монеты и таможи и другихъ данныхъ, то дѣло бы обстояло теперь совершенно иначе. Невольно вспоминается теперь классическій трудъ К. Ф. Ордина. Собраніе сочиненій по Финляндскому вопросу Т. I, II и III (покореніе Финляндіи), изданный вторымъ изданіемъ его сыномъ Г. К. Ординымъ. Трудъ К. Ф. Ордина имѣлъ громадное значеніе на правительственное уясненіе русскимъ правительствомъ и обществомъ правовыхъ отношеній Россіи и Финляндіи. Необходимо намъ и теперь, для надлежащаго уразумѣнія финляндскаго вопроса, руководиться этимъ превосходнымъ трудомъ.

Агентство Стефани сообщаетъ ¹⁾:

„Попавшія въ Италію письма русскихъ плѣнныхъ, находящихся на работахъ по рытью окоповъ на итальянскомъ фронтѣ,

¹⁾ „Веч. Вр.“ 20 декабря 1915 г.

полны самыхъ ужасныхъ подробностей. Австрійцы обращаются съ ними чрезвычайно жестоко и за малѣйшій проступокъ подвергаютъ мучительнымъ истязаніямъ и разстрѣлу.

Унтеръ-офицеръ Александръ Сергѣевъ, пѣхотнаго полка, за отказъ работать, посаженъ на четыре дня подъ арестъ безъ хлѣба и воды, и (потомъ разстрѣлянъ. Григорій Стрнн—по той же причинѣ, въ теченіе нѣсколькихъ дней лежалъ скрюченнымъ, съ привязанными руками къ ногамъ. Андрей Родкинъ, 9-го стрѣлковаго Сибирскаго полка, не вынесъ жестокаго обращенія и покончилъ самоубійствомъ. Андрей Севрюкъ, 14-го стрѣлк. Сибирскаго полка, покушался на самоубійство. Давидъ Мандрикинъ, пѣхотнаго полка, убитъ изъ револьвера для устрашенія другихъ плѣнныхъ. вмѣстѣ съ другими онъ отказался рыть окопы и палъ первымъ.

Петръ Семенчукъ, 42-го пѣхотн. полка, долженъ былъ присутствовать при наказаніи своихъ товарищей, отказался отъ этого зрѣлища и самъ подвергся наказанію—его подвѣшивали и потомъ оставляли безъ пищи. Въ Тиролѣ (Газенау) разстрѣляно четыре русскихъ унтеръ-офицера. Въ Бренербадѣ вольноопредѣляющійся, инженеръ изъ Москвы, былъ распятъ, вмѣстѣ съ другими двадцатью плѣнными.

21—23 декабря. Г. Кожуховъ, изъ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“¹⁾, такъ повѣствуетъ о настроеніи на позиціяхъ:

„Тотъ, кто не былъ самъ на позиціяхъ, едва-ли можетъ имѣть точное представленіе о томъ, дѣйствительно спокойно настойчивомъ, настроеніи, которое царитъ здѣсь повсюду.

Ничего абсолютно тревожнаго или чего-нибудь такого, что свидѣтельствовало о какихъ бы то ни было колебаніяхъ, или сомнѣніяхъ, вы здѣсь совершенно не встрѣтите. Зайдете ли вы въ землянку простого солдата или юнаго прапорщика, или же командира полка,—всюду и вездѣ простое, чисто бытовое и дѣловое настроеніе.

Землянки устроены основательно изъ хорошо сколоченныхъ бревенъ, вездѣ теплыя и хорошія печи, хорошія двойныя окна.

Вслушайтесь также въ то, о чемъ здѣсь говорятъ. Токуція событія, настоящая война, то, что вчера нѣмцы шли въ атаку и мы ихъ прогнали, то, что они стрѣляли изъ тяжелыхъ орудій,—обо всемъ этомъ разсказываютъ, но какъ-то вскользь,

¹⁾ „Бирж. Вѣд.“ 22 декабря 1915 г.

какъ о чемъ-то совершенно обыденномъ и никому неинтересномъ. Это будничная хроника мѣстной жизни, такая же приблизительно, какъ у насъ рассказы о жертвахъ трамвая, самоубійствахъ и т. д. Съ восторгомъ рассказываютъ и вспоминаютъ, напримѣръ, о томъ, что было въ Манчжуріи, какъ воевали съ японцами, подробно и долго рассказываютъ эпизоды изъ этой, уже нами забытой, войны.

Вся романтика здѣсь въ прошломъ. А то, что происходитъ сейчасъ, при всемъ своемъ героизмѣ, такъ удивляющемъ насъ здѣсь, въ тылу, здѣсь только простое и самое обыкновенное дѣло. Никто не удивляется совершеннымъ подвигамъ, и сами участники героя, в тѣ, которые объ этомъ будутъ вамъ рассказывать, даже не пытаются окрасить это въ какую-нибудь романтическую краску.

Видно, что люди дѣлаютъ дѣла, считаютъ это дѣло чѣмъ-то крайне необходимымъ, и что они не уйдутъ отсюда, пока этого дѣла не кончатъ“.

Уже давно работаетъ Крестьянскій поземельный банкъ. Уже давно прочно сложились законодательныя и правовыя отношенія при покупкѣ земель. Казалось, что при такихъ условіяхъ нѣтъ препятствій при закупкѣ банкомъ нѣмецкихъ земель, о чемъ уже и давно было оповѣщено во всѣхъ газетахъ. На дѣлѣ же выходитъ такъ, что нездѣ, гдѣ замѣшаны интересы нѣмцевъ, повсюду становится мертвая точка.

Въ Петроградѣ говорятъ очень много о госпожѣ Васильчиковой и о ея приверженности къ австро-германцамъ и о ея миссіи съ предложеніями о мирѣ.

„Въ „Нашемъ Вѣстникѣ“ отъ 21 декабря напечатано ¹⁾:
Верховный Главнокомандующій Его Императорское Величество, во время смотра арміи 20 декабря, изволилъ обратиться со слѣдующими словами къ георгиевскимъ кавалерамъ:

„Къ вамъ, какъ самымъ доблестнымъ представителямъ нашей арміи, Я обращаюсь съ сердечнѣйшей и глубокой благодарностью за вашу доблестную, беззаветно храбрую службу въ эту кампанію. Прошу васъ передать вашимъ частямъ Мою

¹⁾ „Нов. Вр.“ 22 декабря 1915 года.

сердечную благодарность за тяжелую службу, которую они несутъ и которую цѣнятъ вся Россія и Я. Будьте вполнѣ покойны, какъ Я сказалъ въ началѣ войны, Я не заключу мира, пока мы не изгонимъ послѣдняго непріятельскаго воина изъ предѣловъ нашихъ, и не заключу его иначе, какъ въ полномъ согласіи съ нашими союзниками, съ которыми мы связаны не бумажными договорами, а истинной дружбой и кровью. Я не забуду этого смотра и радъ, что Миѣ удалось увидѣть доблестныя части арміи, и въ вашемъ лицѣ прошу передать Мою благодарность всѣмъ войскамъ за ихъ преданную службу, радующую Мое сердце. Храни васъ Богъ, господь“.

24 декабря. Встрѣтилъ офицера, раненаго три раза въ голову. Онъ слышитъ плохо на оба уха. На одно ухо слышитъ лучше, на другое хуже. Онъ говорилъ миѣ: какъ только буду слышать потчечливѣй на глухое ухо, сейчасъ же уѣду на фронтъ. И на мое замѣчаніе: можетъ ли онъ тамъ и въ такомъ видѣ успѣшно работать, получился отвѣтъ: знаю многихъ офицеровъ, которые возвращаются въ строй съ пятью ранами.

„Новое Время“ ¹⁾ сообщаетъ, что, 23 декабря на Калашниковской пристани среди хлѣбныхъ дѣльцовъ наблюдался большой переполохъ. До свѣдѣнія полиціи дошло, что на биржѣ работаетъ большая группа лицъ, искусственно взвнчивающая цѣны на предметы довольствія, въ томъ числѣ на муку. Съ этою цѣлью, какъ оказывается, рассылались въ крупныя центры телеграммы съ просьбою задержать на мѣстахъ транспортъ, предназначенный къ отправкѣ въ столицу. Въ ночь на сегодня чинами полиціи у Я. М. Левина, Ф. Я. Гриднева, И. Н. Егузинскаго, Е. А. Кошкова, Берне, Мейерсона, В. М. Зубкова, Собакина, бр. Чапниковъ и другихъ лицъ былъ произведенъ обыскъ, а ватѣмъ названные лица были арестованы“.

Петроградскому обывателю невольно приходитъ на мысль, какая кара постигнетъ сихъ господъ и будетъ ли къ нимъ примѣнено военное положеніе. По городу ходятъ слухи, что послѣ только одного ареста сихъ лицъ, цѣны на нѣкоторые продукты пали и что сразу обнаружались запасы нѣкоторыхъ продуктовъ.

¹⁾ „Новое Время“ 24 декабря 1915 г.

Вернувшійся изъ германскаго плѣна содержатель табачнаго магазина въ Минскѣ Фишеръ рассказываетъ, что первымъ лагеремъ, въ которомъ онъ былъ, это—Гальбе, гдѣ живутъ 6.000 плѣнныхъ русскихъ въ самыхъ ужасныхъ условіяхъ. Живутъ въ баракахъ, приспособленныхъ изъ навѣсовъ, нѣтъ ни въ, а потому спать на голой землѣ, въ качествѣ подстилки даются стружки, нѣтъ бани и всѣхъ съѣдаютъ паразиты. Кормятъ отвратительно. Полгода въ лагерѣ свирѣпствовалъ тифъ. Всѣ надзиратели вооружены нагайками и бьютъ за малѣйшую провинность. Освѣщенія не полагается вовсе. Воспрещено курить. Изъ прибывающихъ посылокъ нѣмцы выбираютъ табакъ, сласти и колбасу для „своихъ“ больныхъ.

25—31 декабря. Въ теченіе декабря военныя дѣйствія на всѣхъ русскихъ фронтахъ, за исключеніемъ юго-западнаго, во второй половинѣ мѣсяца, не отличались особой напряженностью. Повсюду шли стычки развѣдчиковъ, передовыхъ частей, налеты аэроплановъ и артиллерійская перестрѣлка; во всѣхъ этихъ дѣлахъ, въ особенности, энергичныхъ, предположенныхъ инициативы, дѣйствій нашихъ развѣдчиковъ преимущество было на нашей сторонѣ. Выдѣлялась также искусная стрѣльба нашей артиллеріи, достигавшая, къ великому удивленію противника, особой интенсивности, точно также позиціонная война съ примѣненіемъ минометовъ, бомбометовъ и взрывовъ минъ, съ занятіемъ воронокъ; производились наскоки бронированныхъ автомобилей.

Во второй половинѣ декабря, по донесеніямъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, къ югу отъ Припяти въ окрестностяхъ Чарторійска (на Волини), на средней Стрыпѣ въ Галиціи и къ сѣверо-востоку отъ Черновицъ въ Буковинѣ шли ожесточенные бои, при чемъ мы продвигались впередъ, отбивая бѣшенныя контръ-атаки противника, зачастую съ удушливыми газами.

Кавказская армія въ Персіи овладѣла г. Хамаданомъ, гѣвдомъ персо-германскихъ мятежниковъ, а въ Балтійскомъ морѣ нами потопленъ германскій крейсеръ „Бременъ“.

„Standard“ сообщаетъ, что германскіе теологи всѣхъ направлений съ самаго начала войны прилагаютъ всѣ старанія, чтобы оправдать политику своей страны съ точки зрѣнія своихъ

религіозныхъ вѣрованій. Нѣмецкіе католическіе священники одобряли всѣ насилія и жестокости, которымъ подвергалось католическое населеніе Бельгіи; протестантскіе пасторы провозгласили справедливость военнаго террора; нѣмецкіе раввины восхваляли преступленія германскихъ правителей. Черезъ всѣ проповѣди этихъ духовныхъ лицъ красною нитью проходитъ одна мысль—Германія избрана волею Всевышняго покарать преступный міръ.

Пасторъ Фрицъ Филиппи, одинъ изъ выдающихся лютеранскихъ проповѣдниковъ, произнесъ на эту тему проповѣдь въ Берлинѣ. „Съ полнымъ правомъ можемъ мы, самый миролюбивый народъ на свѣтѣ, повторить слова князя Мира: „Не миръ посланъ Я принести людямъ, а мечъ“. Подобно тому, какъ Всемогущій отдалъ Своего Сына на распятіе для искупленія человѣчества, такъ и Германія нынѣ должна распять человѣчество для всеобщаго спасенія людей. Человѣчество должно быть искуплено огнемъ, мечемъ и кровью. Не по доброй волѣ проливаютъ германскіе воители кровь другихъ народовъ. Нашъ обожаемый императоръ болѣе всѣхъ питаетъ отвращеніе къ ужасамъ войны. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ неустанно трудился на пользу мира. Германія никогда не употребляла своей силы, чтобы угрожать независимости другихъ народовъ, и потому Всевышній избралъ насъ, какъ орудіе, чтобы покарать завистливыхъ и наказати преступные и грѣшныя народы земли. Германія свыше послана миссія распять человѣчество.

Поэтому священныи долгъ германскихъ солдатъ наносить безъ пощады удары, убивать, жечь и разрушать во имя спасенія человѣчества. Полумѣры должны быть отброшены; война должна быть безпощадна“.

Эту проповѣдь нѣмцевъ слѣдуетъ запомнить всѣмъ народамъ, борющимся противъ Германіи ¹⁾.

Отовсюду получаютъ извѣстія о той особой пользѣ, которую привосятъ нашимъ войскамъ на фронтѣ учрежденія земскаго союза и союза городовъ.

Недавно видѣлъ возвращеннаго изъ плѣна офицера: онъ былъ взятъ въ плѣнъ рапенымъ во время наступленія германцевъ въ Галиціи. Его повели для допроса къ германскому гене-

¹⁾ „Русск. Вѣст.“ № 296, 1915 г.

ралу, который любезно угостилъ кофеемъ и сталъ разспрашивать въ присутствіи другихъ офицеровъ о расположеніи нашихъ войскъ. Не получая отвѣта, нѣмецкій генералъ удалилъ остальныхъ офицеровъ изъ комнаты и сталъ допрашивать офицера наединѣ. Не получивъ и тутъ отвѣта, генералъ приказалъ отвести нашего раненаго офицера двумъ германскимъ солдатамъ. Тѣ повели его, слѣдуя по сторонамъ, и когда офицеръ повернулъ голову въ лѣвую сторону, то конвойный выстрѣлилъ въ лѣвый високъ разрывной пулей—лѣвый глазъ вытекъ, а правый остался цѣлъ. Раненый ужалъ, затѣмъ его подобрала австрійцы и повезли въ госпиталь въ Вѣну. Тамъ его демонстрировали, какъ чудесно оставшагося живымъ, при такой ужасной ранѣ, а затѣмъ отпустили въ Россію при размѣнѣ инвалидовъ. Офицеръ этотъ теперь поправился и говоритъ, но ротъ разжимаетъ съ трудомъ и питается жидкой пищей.

Въ „Вечернемъ Времени“ со словъ участника, интересно описанъ партизанскій налетъ на германцевъ въ г. Невель¹⁾.

„Вотъ какъ происходило дѣло со словъ одного изъ участниковъ набѣга, корнета Л., командовавшаго въ отрядѣ ваводомъ татаръ.

— Наша задача, — говоритъ корнетъ Л., — заключалась въ томъ, чтобы проникнуть въ глубокой тылъ нѣмецкихъ позицій, въ деревушку Невель, гдѣ по имѣвшимся свѣдѣніямъ находился штабъ 271 нѣмецкаго полка. Въ газетахъ писали, что партизаны были верхомъ, расписывали подробно какую-то кавалерійскую атаку, но все это, конечно, неправда. Вся эта мѣстность сплошь болотистая, громадныя площади совершенно не проходимы, и только немногіе аборигены знаютъ сокровенныя тропинки и проходы. Дѣйствовать верхомъ въ такой обстановкѣ полный абсурдъ, не говоря уже о томъ, что ржаніе одной лошади можетъ выдать весь отрядъ. И это тамъ, гдѣ людямъ строжайше запрещено не только говорить, но даже кашлять.

Гуськомъ вытянулся весь нашъ отрядъ длинной линіей, впереди проводники, среди нихъ особенно характерный бородастый, плечистый, настоящій лѣсной волкъ, разбиравшійся въ незамѣтныхъ дорожкахъ и тропкахъ среди этихъ дебрей и злобѣщихъ своею мертвой тишиною трясинъ, словно у себя дома.

¹⁾ № 1329, 1915 г.

Ночь была свѣтла и ясна, кругомъ видно было далеко, сіяли звѣзды, подъ ногами хрустѣлъ свѣжій снѣгъ и изрядно щипалъ морозъ. Отрядъ медленно продвигался впередъ, каждый въ затылокъ переднему. Чуть оступишься на шагъ въ сторону, и только одно чувство въ душѣ, что точно насторожившаяся трясина жадно схватитъ въ свои объятія и уже не выпуститъ...

Влѣво, вправо, впереди, а самое главное сзади, тянутся во всѣхъ направленіяхъ линіи нѣмецкихъ окоповъ съ часовыми, съ дозорами, и мы все время должны лавировать между ними.

Свой далеко сзади, а кругомъ кишмя кишать одни враги. И это сознаніе, что въ случаѣ чего помощи ждать неоткуда, и нужно разчитывать только на свои силы, удивительно сплачиваетъ людей, и весь отрядъ становится точно одинъ человѣкъ.

Несмотря на всю осторожность, иногда кто-нибудь проваливался въ трясину, но сосѣди тотчасъ же быстро вытаскивали провалившагося. Благополучно дошли до мѣста, гдѣ, по нашимъ свѣдѣніямъ, стояла нѣмецкая стороженная застава, человекъ въ сорокъ. Это было не страшно, но важно было снять ее безъ всякаго шума, чтобы не поднять вокругъ тревоги, которая могла бы оказаться фатальной для всего дѣла.

Едва раздался крикъ нѣмецкаго часового: „Halt Ver-da?“, какъ одновременно съ отвѣтомъ поднялись со всѣхъ сторонъ штыки, и черезъ минуту отъ заставы никого не осталось. Только нѣсколько выстрѣловъ успѣли дать не ожидавшіе ничего нѣмцы, но имъ, очевидно, въ нѣмецкомъ тылу, какъ мы убѣдились дальше, никто не придалъ значенія. Для начала это вышло очень недурно и придало всѣмъ бодрости и увѣренности въ дальнѣйшемъ успѣхѣ.

Немного погодя, мы уже были у цѣли нашего похода. Въ сіяніи свѣтлой ночи обрисовались ясно халупы вытянувагося Невеля, тихаго, соннаго, ничего не подозрѣвающаго. Нѣмцы даже не могли представить себѣ мысли о самой возможности появленія здѣсь, въ глубокомъ тылу ихъ позицій, незваныхъ гостей.

Безъ единого звука и лишней стрѣльбы были сняты дремавшіе часовые.

И послѣ этого пошла настоящая работа.

Главная роль въ первомъ актѣ ея выпала бомбистамъ. Проводники знали точно, что мѣстные жители всѣ поголовно ушли и что въ халупахъ одни только нѣмцы, что и давало

намъ полную свободу дѣйствій. Нами былъ взятъ большой запасъ бомбъ, съ которыми, кстати сказать, наши солдаты выучились теперь мастерски обращаться. Сила этихъ бомбъ ужасающая: въ діаметрѣ десяти шаговъ отъ точки разрыва все разлетается въ дребезги, и особенно страшно дѣйствіе ихъ въ крытыхъ помѣщеніяхъ. Обыкновенно выдавливается локтемъ стекло въ халуцѣ, и бомба бросается вовнутрь. Черезъ десять секундъ, время вполне достаточное для того, чтобы бомбометчикъ отскочилъ въ сторону, брошенный снарядъ со страшною силою взрывается. Все, что въ серединѣ халупы, разлетается вдребезги: людей разноситъ на куски, а самая халупа загорается.

И всему конецъ...

Этимъ начался первый актъ невеликой трагедіи, дорого обошедшейся нѣмцамъ. Гробовая тишина, царившая въ мѣстечкѣ, сразу смѣнилась какимъ-то адомъ. Со всѣхъ сторонъ слышались взрывы бомбъ, уничтожавшихъ все живое въ халупахъ, и быстро ширилось зарево вспыхнувшего пожара. Большинство нѣмцевъ перешло въ лучший міръ спящими, даже и не почувствовавъ этого. Но были и такія картины:

Черезъ свѣтящееся окно одной изъ халупъ была видна группа расположившихся тамъ, вѣроятно только педавао, прибывшихъ офицеровъ. Стоялъ столъ съ остатками ужина, лежали открытые чемоданы и дорожныя принадлежности. Сами офицеры, вѣроятно, ожидая, пока девишки приготовятъ имъ все ко сну, играли въ карты, не подозревая, что въ окну прильнули слѣдящіе на нихъ глаза.

Легкій звонъ стекла, взрывъ брошенной бомбы, и отъ всей этой идилліи осталось только зарево горячей хаты съ погребенными подъ развалинами ея людьми.

Весьма можетъ быть, что это была какая-нибудь часть дивизіоннаго штаба, нахожденіе котораго здѣсь явилось для насъ пріятнымъ сюрпризомъ.

Взрывы бомбъ, все разгорающееся зарево пожара и поднявшаяся ружейная трескотня не могли, конечно, уже долго держать наше дѣло въ секретѣ. Проснувшіеся перепуганные нѣмцы въ уцѣлѣвшей еще части деревни стрѣляли наугадъ изъ оконъ, выбѣгали изъ дверей и всюду неизмѣнно натыкались на пулю или штыкъ зорко сторожившихъ нашихъ людей. Слишкомъ ужъ выгодна обстановка такого набѣга для нападающаго, и слишкомъ ужъ въ глупомъ и неудобномъ положеніи оказывается застигнутый врасплохъ.

Однимъ словомъ, черезъ какіе-нибудь полчаса съ момента взрыва первой брошенной бомбы, а было это уже въ три съ половиною часа ночи.—отъ стоявшаго въ Невелѣ батальона 271 нѣмецкаго полка уцѣлѣло очень немного, которымъ удалось убѣжать и скрыться. Нѣсколько сотъ погибшихъ нѣмцевъ на полтора десятка нашихъ потерь во всемъ этомъ дѣлѣ—результатъ недурной. Но этимъ не ограничилась наша удача.

Пока часть отряда энергично работала надъ халунами, другая разыскала батарею артиллеріи и такъ какъ съ замками возиться было некогда, широксилиновыми пашками подорвала пушки. Разыскали большой складъ снарядовъ и патроновъ и все это пустили въ воздухъ. Долго шла потомъ трескотня взрывовъ въ той сторонѣ...

А часть окружила господскій домъ, откуда нужно было извлечь цѣнные для насъ трофеи, которые оказались на дѣлѣ еще гораздо болѣе заманчивыми, чѣмъ мы предполагали.

По имѣвшимся у насъ свѣдѣніямъ, рассчитывали забрать тамъ штабъ полка. А судьба послала неожиданно намъ награду въ видѣ цѣлаго штаба дивизіи, только наканунѣ прибывшаго въ Невель. Впрочемъ, изъ офицеровъ штаба, поднявшихъ стрѣльбу, мало кто уцѣлѣлъ, почти всѣхъ ихъ перерубили. Но генераль фонъ-Табернись, командиръ 82 дивизіи, какъ разъ во-время поднялъ одну руку; это спасло ему жизнь въ самый послѣдній моментъ передъ поднятымъ уже штыкомъ. Взяли его въ простой вязанной курткѣ,—догадайся по наружному виду, что онъ генераль.

Не теряя драгоценнаго времени, захватили всѣ бумаги, карты громадной важности, однимъ словомъ, все, что только было найдено въ штабѣ. Мало взять, надо было подумать о томъ, чтобы благополучно унести все это. Пора было спѣшить въ обратный путь. Пальба, взрывы, зарево пожара, несомнѣнно вызвали повсюду тревогу, а вѣдь мы были въ тылу непріятельскихъ позицій. Тайна нашего присутствія здѣсь уже не существовала, каждая промедленная минута только способствовала тому, что нѣмцы успѣли бы закониться большими силами на пути нашего отступленія, и тогда безвыходное положеніе грозило бы намъ самимъ.

И мы тронулись назадъ уже въ виду клубящихся и насѣдающихъ со всѣхъ сторонъ нѣмецкихъ цѣпей, отбивая стрѣльбой ихъ попытки сдавить насъ. Кромѣ пѣхоты, прискакала къ намъ и какая-то кавалерійская часть. Но переполохъ вызвалъ у нѣмцевъ такую растерянность, отсутствіе сообразитель-

ности и энергіи, что, несмотря на выгоды уже теперь ихъ положенія и подавляющее превосходство въ силахъ, счастье до конца не измѣнило намъ. И на разсвѣтъ, выбравшись вполнѣ благополучно изъ цѣмечныхъ тисковъ, мы радостно подходили въ своимъ.

Оживленны и приподняты были всѣ люди невѣроятно. Теперь уже не было строжайшаго неоднократнаго: „ты мнѣ только закашлини и заговори, такъ я тебя!“ Тутъ уже шли съ пѣснями во все горло, счастливые, гордые успѣхомъ, съ чувствами, которыя вполнѣ можетъ понять только тотъ, кому придется пережить длинныя часы длинной ноябрьской ночи въ перяцетяхъ такого дѣла.

Цѣнныхъ привели цемного, эта роскошь не для партизанскихъ набѣговъ, гдѣ избѣгаютъ всего, что стѣсняетъ въ движеніяхъ, гдѣ каждая промедленная минута можетъ погубить и самое дѣло, и самихъ людей. Зато добыча была очень цѣнная по качеству, и стоило рискнуть изъ-за нея кое-чѣмъ.

Привели командира дивизіи, командира уничтоженной батареи и еще кое-кого изъ штабныхъ. А главное, массу очень цѣннаго матеріала. Генераль фонъ-Табернисъ, еще не старый человекъ, сухощавый, съ военной выправкой, имѣлъ все время очень сумрачный видъ и упорно молчалъ. Шелъ съ нами въ курткѣ и безъ каски, которую забыли прихватить для него. Было холодно, генералу предложили папаху, но онъ, поблагодаривши, категорически отказался и обвязалъ голову носовымъ платкомъ. Когда ему предложили нѣкоторые вопросы, на военные сюжеты, то онъ лаконически сказалъ:

— Зачѣмъ вы спрашиваете объ этомъ? Вѣдь вы знаете, что я прусскій генераль и отвѣчать не буду.

Былъ упорно молчаливъ, шелъ покорно, но сохраняя вполнѣ чувство собственнаго достоинства. Спросилъ только коротко объ участіи начальника своего штаба.

— Я его зарубилъ—отозвался одинъ прапорщикъ и показывалъ свою окровавленную шашку.

Генераль фонъ-Табернисъ, молча, посмотрѣлъ на прапорщика, на его шашку и потушился. Всѣ окружающіе тоже молчали... Что дѣлать? Война какъ война и въ ней не до сантиментальностей. А въ партизанскомъ набѣгѣ и подавно: не убьешь самъ, убьютъ тебя.

Послѣ этого невельскаго разгрома нѣмцы прозвали насъ болотными чертями⁴.

Надлежитъ повторить еще разъ, что петроградскій обыватель не состоитъ въ рядахъ никакой политической партіи,—ему одинаковы противны германскія симпатіи крайнихъ правыхъ и дакіе выкрики за миръ крайнихъ лѣвыхъ. Онъ считаетъ себя причисленнымъ къ тѣмъ милліонамъ россіянъ, которые болѣе всего на свѣтѣ любятъ свою родину, а потому ему легче всего разобратъся въ запутанныхъ, внутреннихъ политическихъ вопросахъ.

Со времени созыва третьей Государственной Думы петроградскій обыватель неизмѣнно посѣщаетъ засѣданія этого законодательнаго учрежденія, а иногда присутствуетъ на совѣщаніяхъ Государственнаго Совѣта.

Недавнее время, со времени созыва нашихъ законодательныхъ учрежденій, препятствовало образованію сильной политической партіи.

Обывателя сильно поражало, когда еще, во времена Столыпина, при особенно жгучихъ вопросахъ крайніе правые, батюшки и епископы голосовали заодно съ самыми крайними лѣвыми. Значитъ, обѣ партіи сказывались единомышленниками.

Со времени великой настоящей войны, случившейся къ счастью Россіи, волна искренней любви къ родинѣ хлынула въ двери Таврическаго Дворца и объединила членовъ Государственной Думы въ одну могучую партію, желающую во что бы то ни стало привести войну къ побѣдоносному концу. Препятствующимъ остается использовать эту могучую народную силу.

Мы не можемъ закончить свое сказаніе о прогрессивномъ блокѣ, не приведя высокопоучительной корреспонденціи газеты Б. А. Суворина „Вечерняго Времени“ подъ названіемъ „*Праздникъ плѣнныхъ*“. Просимъ читателя внимательно отнестись къ этой статьѣ. По прочтеніи ея становится совершенно ясно, что никакой компромиссъ, никакое соглашеніе съ тевтономъ не мыслимо до полнаго его обезсиленія—будь онъ германецъ, или вѣмецкій колонистъ, или якобы лояльный прибалтіецъ ¹⁾.

„Всѣмъ извѣстно, что плѣнные влачатъ жалкое, полуголодное существованіе. Постоянныя побои отбиваютъ всякое желаніе сопротивляться у самыхъ энергичныхъ.“

Идутъ темные, ненастные дни. Жизнь однообразна. Всѣ привыкли и къ голоду и постояннымъ окрикамъ. Получилась

¹⁾ „Веч. Вр.“ № 1328 1915 г.

какая-то животная жизнь. Люди бродят вялые, какъ мухи осенью.

Ничто ихъ не интересуетъ. И вотъ въ эту одурманивающую тишину врывается радостный звукъ, который взбудоражилъ весь лагерь и надолго внесъ оживленіе.

„Самсонова пріѣдетъ“.

Лица стали свѣтлыя, глаза горятъ надеждой.

Съ кѣмъ ни встрѣтишься, только одинъ разговоръ: „Самсонова была въ Кроссенѣ, говорятъ, скоро и къ намъ пріѣдетъ. Тогда мы ей расскажем все“.

Лица горятъ надеждой—наконецъ-то пріѣдетъ русскій чело-вѣкъ, который самъ посмотритъ на нашу жизнь и увидитъ всѣ наши страданія.

Солдатики ободрились, стали глядѣть веселѣе и, посмѣиваясь, говорили: „Это вѣдь русская сестра, мы ей все покажемъ, все докажемъ. Это наша, она не сдѣлаетъ, какъ испанскій консулъ: пріѣхалъ насъ смотрѣть, а только попилъ кофе у нѣмецкаго генерала и былъ таковъ. Въ лагерь и не заглянулъ“.

Среди нѣмцевъ пріѣздъ г-жи Самсоновой также произвелъ переполохъ. Начали вводить улучшенія.

Прежде всего людей изъ землянокъ перенесли въ бараки и даже калитку, которая вела во дворъ, гдѣ находятся землянки, забили—будто здѣсь никто и не жилъ.

Кухню вычистили. Плѣннымъ, у которыхъ вмѣсто одежды были рубища, выдали одежду и сапоги. Заключенныхъ въ тюрьмѣ выпустили.

Въ лазаретѣ больнымъ было выдано чистое бѣлье и по два одѣяла.

Настолько нѣмцы были встревожены этимъ пріѣздомъ, что въ лазаретахъ въ день посѣщенія лазарета г-жой Самсоновой главный нѣмецкій врачъ самъ накрывалъ постели больныхъ, находя, что постели прибраны неаккуратно.

Все было замаскировано. Только одно забыли замаскировать—холодъ. Забыли выдавать больше угля, и поэтому въ баракахъ царилъ обычный холодъ.

Однажды утромъ (я лежалъ въ лазаретѣ) слышу крикъ: „пріѣхала, ходить по лагерю, смотритъ“.

Гдѣ же тутъ утерпѣть? Вскочилъ, одѣлся и побѣжалъ въ лагерь. Отовсюду бѣгутъ плѣнные, каждому хочется поскорѣе взглянуть на русскую сестру.

Вотъ это-то и былъ нашъ праздникъ. Это единственный

день, когда мы почувствовали, что не всѣхъ русскихъ, по крайней мѣрѣ въ глаза, нѣмецъ называетъ „проклятой свиньей“ и не всякаго можно бить. Въ этотъ день даже и насъ не били.

Всѣ плѣнники съ живѣйшимъ вниманіемъ и восторгомъ наблюдали, какъ шествовала г-жа Самсонова по лагерю. Именно это было шествіе.

Впереди буквально бѣжали нѣмецкіе офицеры и показывали дорогу, около г-жи Самсоновой самъ Бонинъ—нашъ свирѣпый генералъ, на котораго въ обычное время плѣнные даже и смотрѣть боялись. Идутъ и почтительно смотрять на русскую сестру.

Солдаты радостно смѣются, „что видно и Кащея (генерала) забрало. И на тебя нашлась управа“.

Рядомъ съ г-жой Самсоновой шли русскіе врачи—А. В. Селезневъ (старшій врачъ 15 мортирнаго дивизіона), Магалифъ, Станевичъ, Михайловъ и др.

Дальше длинной вереницей шли—графъ Бреде (помощникъ коменданта лагеря), нѣмецкіе врачи и длинная вереница нѣмецкихъ утерь-офицеровъ.

На лицахъ нѣмцевъ безпокойство, всѣ напряженно смотрять за движеніями г-жи Самсоновой, которая, надо сказать, не оставила въ лагерѣ ни одного мѣстечка, не осмотрѣвъ его тщательно.

Генералъ, повидимому, тоже волнуется и даже не скрываетъ своего волненія. Подзываетъ офицеровъ и даетъ имъ какія-то спѣшныя приказанія, послѣ чего тѣ бѣгутъ стремительно куда-то впередъ.

А г-жа Самсонова ходитъ по лагерю, смотритъ наши лица и только горестно покачиваетъ головой. Повидимому, даже нѣмецкія декораціи не могли привести лагерь хотя бы въ немного сносное состояніе.

Пока идетъ только молчаливый осмотръ, объясненія даютъ нѣмцы, и русскимъ врачамъ приходится говорить мало, но на пути встрѣчается такъ много истощенныхъ, изможденныхъ лицъ, что дѣйствительность говорить сама за себя, и сестрѣ все безъ словъ ясно.

Лицо сестры дѣлается грустнѣе, у нѣмцевъ на сердцахъ кошки скребутъ.

У нихъ есть три жупела, которыми они пытаются создать благопріятное для нихъ впечатлѣніе—это баня, театръ и церковь. Все это они показываютъ и съ большимъ достоинствомъ обращаютъ вниманіе сестры на свою заботливость по отношенію къ плѣннымъ.

Да, дѣйствительно, заботливость, только она нуждается въ поясненіяхъ, которыхъ нѣмцы „по всей скромности“ сестрѣ не дали.

Баня хороша, но для плѣнныхъ она пытка и возможное средство простудиться. Нѣмцы не рассказывали, какъ вымывшихся въ банѣ заставляютъ въ одномъ бѣльѣ на холодѣ (не въ баракѣ) по 4—6 часовъ дожидаться одежды изъ дезинфекціи, и не сказали они сестрѣ, сколько народа получило изъ-за этой бани плевроитъ. Многого они не рассказали.

Церковь, правда, сооружена, конечно, русскими и на русскія деньги, послѣ долгихъ хлопотъ русскихъ врачей. Не рассказали нѣмцы также, какъ они толпой приходятъ смотрѣть на наше богослуженіе, при чемъ даже шапокъ не снимаютъ.

Театръ. Да вѣдь его устроила группа богатыхъ русскихъ плѣнныхъ, исключительно для которыхъ онъ и существуетъ, и нѣмцы въ немъ совсѣмъ неповинны.

Во все время осмотра лагеря г-жой Самсоновой, нѣмцы тщательно скрывали землянки, и когда сестра проходила мимо палатки, ведущей къ землянкамъ, то тутъ былъ поставленъ цѣлый рядъ унтеръ-офицеровъ и г-жѣ Самсоновой пришлось пройти мимо.

Хитрость нѣмецкая не принесла хорошихъ для нѣмцевъ результатовъ. Наши солдатики все-таки рассказали г-жѣ Самсоновой о землянкахъ, и все шествіе должно было повернуть назадъ.

Какъ были сконфужены нѣмцы. Болѣе дурацкое положеніе трудно представить. Они попались какъ школьники.

Волей-неволей, а пришлось идти въ землянки, и вотъ тутъ русская сестра увидѣла настоящее жилище: землянки безъ пола, окна безъ стеколъ, печей нѣтъ. Много видѣла плохого г-жа Самсонова и въ другихъ лагеряхъ, но въ этомъ отношеніи нашъ лагерь всѣхъ перецеголялъ.

„Худшаго лагеря, чѣмъ вашъ, я не видала“,—сказала русскимъ врачамъ г-жа Самсонова.

Когда всѣ вышли изъ землянокъ, нѣмцы преобразились. Вышли какими-то побитыми, сконфуженными. Даже генералъ какъ-то съежился и окончательно потерялъ свой бравый, гордый видъ. Г-жа Самсонова съ нимъ даже и не разговаривала, и это, повидимому, окончательно его убило: онъ отошелъ далеко въ сторону и потихоньку пошелъ сзади. Зато какъ торжествовали наши плѣнные. Кругомъ слышались восклицанія: „Думали на-

дуть, да не удалось. Вишь, проклятые, пакостить могутъ, а отвѣчать боятся. Не удалось! Не дадимъ обмануть“.

Радость и ликоваіе были написаны на лицахъ плѣнниковъ. За годъ страданій, измывательствъ — одинъ день торжества. Пережили хотя только в морально, но все-таки тяжело. Это чувствовали и нѣмцы. Вѣдь этотъ человекъ видѣлъ все. Побѣдетъ, скажетъ всю правду о плѣнѣ. Тогда никакія опроверженія не помогутъ. Вѣдь этого слѣдователя даже и задержать въ лагерьъ самъ полномостный комендантъ не можетъ!

Все это радовало нашихъ солдатъ, и этотъ день былъ дѣйствительно праздникомъ для нихъ.

Посѣтила г-жа Самсонова нашъ лазаретъ. Ничего особеннаго замѣтить было нельзя; вездѣ чисто, чистыя простыни, чистое бѣлье—только сегодня утромъ все надѣто, когда же испачкаться?

Во дворѣ больные окружили русскую сестрицу, какъ называли плѣнные г-жу Самсонову, и началась бесѣда. Нѣмцы отошли въ сторону. Разговоръ сталъ свободнѣе, всѣ перестали бояться, что имъ за жалобы нагорить.

Сунулся нѣмецкій унтеръ-офицеръ, знающій русскій языкъ, послушать, о чемъ говорятъ, но былъ сконфуженъ заявленіемъ г-жи Самсоновой: „Я сама по-русски хорошо говорю“. Послѣ этихъ словъ сконфуженный нѣмецъ ваялъ подъ козырекъ и скрылся.

Побесѣдовала г-жа Самсонова съ больными, а затѣмъ пошла въ докторскій баракъ.

Пребываніе г-жи Самсоновой закончилось событіемъ, о которомъ наши солдатаки не могутъ вспомнить безъ радостнаго, торжествующаго смѣха. Да и было чему порадоваться и посмѣяться.

Дѣйствительно, сегодня наша сила, наше торжество.

Дѣло было такъ. На площади въ ожиданіи выхода г-жи Самсоновой изъ докторскаго барака, такъ сказать, для параднаго прощанія съ ней, нѣмцы выстроили поротно всѣхъ плѣнныхъ. Во главѣ каждой роты стоялъ унтеръ-офицеръ, молодцовато закручивая свои усы. Палки на этотъ разъ они оставили дома, въ ходъ пускали только кулаки и то очень рѣдко. Плѣннымъ было строго-настрого подъ угрозой ареста запрещено говорить съ сестрой и приказано только на прощаніе крикнуть: „досвиданія“.

По близости расположились нѣмецкіе офицеры и доктора.

Картина была внушительная.

Увѣровѣчить ее былъ приглашенъ специальный фотографъ, который тутъ же расположился со своимъ аппаратомъ.

Ждали только появленія г-жи Самсоновой, которая, конечно, какъ предполагали нѣмцы, займетъ центральное мѣсто на фотографіи.

Вотъ она появилась, и вмѣсто торжества для нѣмцевъ получился полный конфузъ, отъ котораго у многихъ даже лихіе усы опустились.

Увидавъ парадъ, г-жа Самсонова съ негодованіемъ громко сказала: „Это что? Нѣмецкіе унтеръ-офицеры назадъ!“

И что же? Мановеніе руки слабой женщины, и всѣ эти назальные, самодовольные тевтоны были побѣждены.

Всю ихъ спесь какъ рукой сняло!

Всѣ они, какъ по командѣ, повернулись къ воротамъ и пошли.

Проходя мимо г-жи Самсоновой, они брали подъ козырекъ.

Генераль до того сконфузился, что окончательно оробѣлъ и скрылся.

Фотографъ подобралъ свой аппаратъ и подставку и поспѣшилъ за остальными нѣмцами. „Такъ кончился паръ ихъ бѣдою“.

„Вотъ сестра, а нѣмцами командуетъ лучше генерала“, — радостно говорили наши плѣнные.

Послѣ „пораженія“ нѣмцевъ солдатики окружали свою сестрицу, и тутъ началась бесѣда, которой, можетъ быть, всю жизнь не забудутъ наши плѣнные.

Каждого внимательно выслушивала г-жа Самсонова, каждый находилъ у нея слово утѣшенія. Все, что тяготило плѣнныхъ, всѣ бѣды, несчастья и униженія—все выложили они предъ своей сестрицей.

Этотъ кошмаръ плѣна какъ бы охватилъ г-жу Самсонову, и у ней вырвалось: „Неужели же совсѣмъ нѣмцы ничего хорошаго не сдѣлали? Вы расскажите и о хорошемъ. Мнѣ все надо знать. Вѣдь есть же церковь, театръ, баня? Что-нибудь же нѣмцы сдѣлали для васъ“?

Начались отвѣты. И увидѣла сестра, въ какомъ мы ужасѣ жили, увидала все наше униженіе. Плакали солдаты, рассказывая о своемъ житьѣ.

Уѣхала Самсонова. На душѣ хотя немного чувствовалось облегченіе: „все-таки раскрыли правду предъ сестрицей!“.

Уѣзжая, г-жа Самсонова отъ имени Государыни оставила 900 марокъ—600 на помощь плѣннымъ въ лагерѣ и 300 марокъ больнымъ.

Долго будутъ помнить наши плѣнные это посѣщеніе, какъ единственное свѣтлое событіе въ ихъ жизни въ плѣну.

На другой день все пошло по-старому.

Выпущенныхъ арестантовъ посадили снова; палки по-прежнему были въ рукахъ нѣмцевъ—однимъ словомъ, началась обычная лагерная жизнь.

Роково окончился этотъ прїездъ для одного моего товарища, польноопредѣляющагося Л. Мацкевича, больного туберкулезомъ въ сильной степени.

Мацкевичъ, какъ и я, былъ признанъ нѣмецкими врачами больнымъ и годнымъ къ отправленію на родину въ качествѣ инвалида.

Мы вмѣстѣ съ нимъ доживали въ лагерѣ послѣдніе дни, со дня на день ожидая отъѣзда.

И вотъ, когда г-жа Самсонова разговаривала съ больными въ лазаретѣ, онъ началъ излагать передъ ней всѣ наши бѣды и дѣйствительно многое раскрылъ передъ г-жой Самсоновой.

И что же? Нѣмцы ему за это отплатили. По приказанію коменданта лагеря имя Мацкевича было вычеркнуто изъ списка отправляемыхъ.

У человѣка идетъ горломъ кровь; можетъ быть, ему и жить осталось не долго, но все-таки ему нѣмцы рѣшили мстить. Только за то, что онъ сказалъ правду!

Мацкевичъ, при скоромъ возвращеніи на родину, при хорошемъ уходѣ, могъ бы еще поправиться, но въ плѣну, конечно, онъ обреченъ на гибель.

Вотъ картинка дѣйствительной жизни въ плѣну“.

Программа прогрессивнаго блока построена на единеніи. При этомъ строеніи допущена блокомъ грубая политическая ошибка, которая впоследствии подвергнется беспощадному суду исторіи. Россія ведетъ войну на жизнь и смерть съ Германіей. Значитъ, всякій германецъ въ той или другой формѣ вѣнѣ или внутри Россіи лютый ея врагъ, съ коимъ никакія соглашенія не мыслимы до полного его обезсиленія. Это совершенно ясно. Между тѣмъ на платформѣ прогрессивнаго блока нѣтъ борьбы съ нѣмецкимъ засильемъ. Г.г. прибалтійцы, или ихъ присные, которые виѣдрились во всѣ щелки Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, напѣвами сирены яростно пропагандировали тамъ мысль, что не надо возбуждать одну народность Россіи противъ другой, что это препятствуетъ единенію блока

и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ выдвигали польскій и еврейскій вопросъ. Г.г. блокислы сознательно или безсознательно попали на эту удочку.

Не поняли и блокислы ту простую мысль, что полякъ и еврей въ Россіи есть русскій, а нѣмецкій колонистъ или лояльный прибалтіецъ есть нѣмецъ и никакой союзъ съ ними невозможенъ. Необходимо теперь же самая безпощадная война внутри Россіи съ нѣмцами засильемъ, а не союзъ съ ними.

Слышалъ потрясающій рассказъ отъ одного изъ участниковъ нашего дѣтняго отступленія на Варшавскомъ фронтѣ. Ураганный огонь непріятеля превратилъ въ пахотное поле всѣ наши окопы. Затѣмъ густыми колоннами, съ ружьями, надѣтыми ремнемъ на правое плечо, съ нахальнымъ смѣхомъ и ругательствами, германцы пошли на насъ въ атаку. Съ нашей стороны нѣтъ отвѣта ни снарядомъ, ни пулей. Нѣтъ ничего. Только арьергардная часть останавливается и только могучимъ русскимъ штыкомъ осаживаетъ назадъ наглоца-германца и затѣмъ отступаетъ на новую позицію.

Такія дѣянія могла свершать лишь одна русская армія—ея солдатъ, ея офицеръ и ея генералъ.

Другая армія при такихъ условіяхъ побѣжала бы и развалилась.

Такія же блестящія страницы русской военной исторіи представляетъ героическій отходъ доблестной 3-й арміи Радко-Дмитріева отъ Дунайца до Сана въ апрѣлѣ 1915 года.

В. П.

